

*М.Ю.Сорокина**

Академик А.С.Лаппо-Данилевский и его “История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики”

Историческое значение научных идей, как важнейшей составляющей идеологии просвещенного абсолютизма в России и основанной на ней правительственной политики, остается одной из самых актуальных проблем современной истории науки. Процессу становления и эволюции отечественной философской и правовой научной мысли в общем контексте русского политического и культурно-исторического процессов XVII–XVIII вв., ее связей и взаимовлияния с наукой европейского Средневековья, Возрождения и Нового времени, посвящена неопубликованная монография выдающегося русского историка науки академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) “История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики”. В рамках проекта РГНФ ее впервые в полном объеме готовит к публикации Архив Российской академии наук.

Монография А.С.Лаппо-Данилевского была новаторской работой в избранной им области истории научного знания. В отечественной историографии нет исследования, в таком масштабе раскрывающего влияние научного знания на социальные преобразования в России в XVII–XVIII вв. В рамках поставленной проблемы взаимодействия и взаимовлияния европейской и российской историко-правовой научной мысли в их преломлении к российской действительности XVII–XVIII вв., Лаппо-Данилевский на значительном архивном и опубликованном материале рассматривает конкретные научные и социальные механизмы, формы и методы трансплантации и трансляции научных идей в российское общество (статику и динамику переводов иноязычной литературы и знакомства в ней,

* **Сорокина Марина Юрьевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН, руководитель проекта “История науки в трудах А.С.Лаппо-Данилевского” (01-03-00055а).

контакты ученых и общественных деятелей, формирование различных научных институций и т.д.).

Вследствие того, что издание монографии, в основном законченной к 1918 г., в советское время было остановлено, сама фигура А.С.Лаппо-Данилевского как историка науки оказалась почти неизвестной. Только недавно его вклад в историю науки был оценен как выдающийся [1]. В настоящей статье, представляющей собой сокращенный вариант предисловия к публикации 1-го тома монографии А.С.Лаппо-Данилевского, рассматриваются история создания книги и попытки ее публикации в советское время.

* * *

*

С момента издания вводных глав монографии академика А.С.Лаппо-Данилевского “История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики”, опубликованных издательством “Наука” в 1990 г. под вынужденно измененным названием “История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.”, прошло уже более десяти лет. Работу по подготовке к публикации наследия выдающегося русского ученого Архив Российской академии наук начал еще в те “застойные” советские годы, когда десятилетиями сопровождавший имя Лаппо-Данилевского ярлык “буржуазного и идеалистического историка” препятствовал не только изданию его трудов, но и объективной оценке места и роли ученого в историографическом и методологическом пространстве российских гуманитарных наук.

История, историография, теоретическое источниковедение, дипломатика, археография, социология, философия, история и методология науки – вот далеко не полный перечень направлений научной деятельности Лаппо-Данилевского, в каждом из которых он достиг столь весомых результатов, что многие из них остаются непревзойденными и по сей день. Трудно, пожалуй, найти другого историка, чье воздействие на умы современников и последующих поколений исследователей оказывало бы столь постоянное и глубинное влияние. По свидетельству академика Б.Д.Грекова, участника семинария Лаппо-Данилевского с 1907 г., “не было в Петрограде ни одного ученого, не только специалиста-историка, но и близких к истории дисциплин, кто бы не стремился в присутствии А[лександр] С[ергеевича] прочитать ту или иную наиболее ответственную

страницу своего труда с целью услышать отзыв А[лександра] С[ергеевича]”. [2] Спустя почти семьдесят лет И.Л.Беленький также констатировал, что “все основные вопросы советской теории источниковедения трактуются в нашей науке с точки зрения соотношения их с фундаментальными утверждениями Лаппо-Данилевского: сближения-согласования с ними или, наоборот, принципиального и безоговорочного отталкивания от них, размежевания с ними”. [3].

Действительно, несмотря на то, что академик Лаппо-Данилевский скончался еще в 1919 г., жрецы “советской-пролетарской-социалистической науки” никогда не забывали его имени. Если в 1923 г. на заседании редакции журнала “Под знаменем марксизма” печально знаменитого регулярной организацией погромов “буржуазных” ученых глава Коммунистической Академии М.Н.Покровский еще просто объявил “Методологию истории” Лаппо-Данилевского историографическим хламом [4], то в 1949 г., в период борьбы с “космополитизмом”, Лаппо-Данилевского именовали уже “историком-идеалистом реакционного типа” и последовательным врагом марксизма [5], а невинные справочно-библиографические “Материалы для биографии” ученого, подготовленные в 1929 г. А.И.Андреевым, – “апологией идеалистической теории А.С.Лаппо-Данилевского” [6].

Сегодня можно было бы и не вспоминать подобные характеристики или отнести их к разряду нелепых и абсурдных “шумов времени”, однако именно они и их авторы надолго поставили барьер на пути изучения научного наследия одного из самых интересных и глубоких историков России, закрыли вопрос об издании трудов Лаппо-Данилевского. Инерция выдвинутых Л.В.Черепниным обвинений была столь велика, что даже в начале 1960-х годов, в период либеральной “оттепели”, в остающейся и по сей день единственной “Советской исторической энциклопедии” Лаппо-Данилевского продолжали “на всякий случай” называть “одним из идеологов крупной русской буржуазии” [7].

Исчерпанность марксистской парадигмы истории в ее советском изводе, ставшая очевидной к 1970-м годам, неизбежно приводила советских историков к проблемам методологии истории и историко-научного познания вне зависимости от их “происхождения”, и в этом контексте в 1970–1980-е годы интерес к научному наследию Лаппо-Данилевского заметно усилился. В 1980 г. В.И.Буганов и А.А.Зимин впервые поставили вопрос о необходимости создания монографических

трудов, посвященных научному творчеству Лаппо-Данилевского, А.А.Шахматова и ряда других “дореволюционных” ученых 8].

С тех пор ландшафт российской исторической науки радикально изменился. Многие выдающиеся историки, объявленные советской историографией *persona non grata*, наконец, получили достойное признание и заняли первенствующее положение в отечественной науке. Не подлежит также сомнению, что труды Лаппо-Данилевского оказались одними из самых востребованных современным историческим знанием. Наследие ученого стало исключительно актуальным в смысле познавательной преемственности и было признано “необходимой составной частью нашего сегодняшнего знания” [9]. Специальное заседание Археографической комиссии Российской Академии наук в 1994 г. было посвящено 75-летию со дня кончины Лаппо-Данилевского [10]; готовится критическое переиздание его фундаментальной “Методологии истории”; библиография статей, посвященных трудам Лаппо-Данилевского, насчитывает уже несколько десятков названий [11].

Потепление политического климата в СССР позитивно сказалось и на возможностях публикаторской практики. В 1990 г., впервые после кончины Лаппо-Данилевского, появилось издание его архивной рукописи, сопровождаемое пионерской по тем временам статьей А.И.Клибанова под невероятным еще незадолго до того названием “А.С.Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель”. И тем не менее более двух третей созданного ученым еще не издано, и, значит, свершенное им не может быть оценено по достоинству.

* * *

*

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский родился 15 (27) января 1863 г. в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии в родовитой дворянской семье. Его отец Сергей Александрович Лаппо-Данилевский в течение нескольких трехлетий был верхнеднепровским предводителем дворянства и таврическим вице-губернатором. Мать Надежда Федоровна Чуйкевич происходила из старинного малороссийского рода Черниговской губернии; ей принадлежала решающая роль в воспитании детей. А.С.Лаппо-Данилевский получил прекрасное домашнее образование, с детства знал несколько европейских языков, вместе с семьей полтора

года провел в Швейцарии, а в 1882 г. с золотой медалью окончил симферопольскую классическую гимназию [12].

Разделяя приоритеты взрастившей его дворянской “усадебной культуры”, Лаппо-Данилевский рано начал путь постижения общечеловеческих ценностей. Страстная любовь к музыке и увлечение математикой составляли важные стороны его многогранной личности. Высокий строй чувств и мыслей молодого ученого хорошо виден из его письма М.А.Дьяконову 1888 г.: “Когда кругом молчит суэта мирская и стукотня большого города, виднее и слышнее становятся те таинства природы, которые ежедневно проходят перед нашими подслеповатыми глазами, но так редко оставляют глубокие следы в нашем чувстве и сознании. [...] Пробовали ли Вы когда-нибудь возвыситься над уровнем отдельных шорохов и шумов до более широкого музыкального синтеза? Пытались ли Вы представить себе те бесчисленные звуки, которые дрожат и теряются вдали, в гармонической целостности? Я последнее время стал прислушиваться к биению мирового сердца (выражение, которое, надеюсь, не слишком неприятно поразит Вас). Я слышу мирное спокойное дыхание сна земного и пробуждение жизни; я слышу смех и слезы, я слышу в каждом движении воздуха все новые и новые стороны жизни — и все это на широких волнах звука несется мне прямо в душу, прожигает кровь, мутит сознание и выливается в каких-то гармонических сочетаниях. Откуда они, зачем?” [13].

Раннее самоопределение в выборе пути, устойчивый круг интересов, в центре которого искание ответов на “вечные” вопросы бытия – таковы характерные черты молодого Лаппо-Данилевского. Уже в гимназии он познакомился с философскими системами О.Конта и Дж. С.Милля, в круг его чтения входили произведения Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки, Монтескье, Вольтера, Канта, Макиавелли, Гизо, Карлейля. Страницы юношеского дневника историка испещрены заметками на латыни, греческом и французском языках, лаконично и точно определяющими его сredo в жизни и науке. “Есть два понятия, которые для меня особенно дороги, — писал Лаппо-Данилевский, — понятие истины и понятие правды. Под истиной я разумею логическую мысль, мысль строгую, бесстрастную, безмятежную, но и безнадёжную... Под правдой я разумею [...] нравственное чувство, то чувство, благодаря которому каждый из нас радуется чужой радостью, скорбит чужой печалью, то чувство, благодаря которому оно не только рассматривает свою жизнь

как субъективное патологическое явление, не только возвышается до объективного ее изучения, но участвует в окружающей его жизни...” [14]

В 1882–1886 гг. Лаппо-Данилевский учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В студенческом научно-литературном обществе он встретил своих единомышленников по науке и общественной деятельности, будущих академиков В.И.Вернадского, С.Ф.Ольденбурга, М.А.Дьяконова и др. Определившийся в университете круг общения оставался фактически неизменным на протяжении всей жизни ученого.

Конец 1880-х годов стал для Лаппо-Данилевского периодом напряженного научного творчества и одновременно глубокой рефлексии, связанной с определением им своего места в науке. В письме В.И.Вернадскому он так сформулировал научные цели “трех периодов” жизни: “Первый посвящаю специальности, второй – кругу знаний, однородных с моею специальностью (наукам общественным), третий — знанию вообще. Этим делением я не отсекаю своей умственной жизни на три бессвязные части, а рассматриваю ее как союз трех родов знания, которые со статистической точки зрения представляю себе в виде трех концентрических кругов, а с динамической – в виде трех обратно пропорциональных прогрессий” [15]. Характерно, что дальнейшая эволюция ученого оказалась вполне согласована с этой предварительной схемой.

После окончания Петербургского университета, где Лаппо-Данилевский учился у крупнейших русских историков К.Н.Бестужева-Рюмина, В.Г.Васильевского, В.И.Сергеевича и др., ему предложили остаться при университете для подготовки к профессорскому званию. Научным руководителем его магистерской диссертации стал Е.Е.Замысловский, любимый исторический период которого – XVII век – был исследован Лаппо-Данилевским с точки зрения организации прямого обложения населения. Оппоненты Лаппо-Данилевского на магистерском диспуте 10 мая 1890 г. – известные историки Н.И.Кареев и С.Ф.Платонов — высоко оценили его исследование, опубликованное отдельной книгой под названием “Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований” (СПб., 1890). Однако от них не скрылись и недостатки работы. Сразу после диспута С.Ф.Платонов написал П.Н.Милюкову: “Книга мне очень нравится, но в ней много такого, что граничит с крайней молодостью, с очень юным бессилием в языке отразить все стороны мысли. При большем умении справляться с формой можно было бы сократить книгу

страниц на 200 и этим выиграть и в достоинстве труда” [16]. С.Ф.Платонов тонко почувствовал, хотя и банально приписал “молодости”, внутреннюю неудовлетворенность Лаппо-Данилевского плоскостной исторической реконструкцией, его поиск объемного историко-социологического и философского видения исследуемых процессов.

Еще летом 1889 г. Лаппо-Данилевский признавался М.А.Дьяконову, что не хочет “оставаться навеки вечным чернорабочим” и думает бросить занятия русской историей [17]. В другом письме Дьяконову от 6 февраля 1891 г. он высказывается еще более определенно: “Для меня теоретические вопросы все-таки главная сторона моего существования, и я даже в этот тяжелый год продолжаю ими заниматься контрабандой; я чувствую, что именно в такие минуты и живу наилучшей своей духовной жизнью” [18].

Между тем профессиональная карьера Лаппо-Данилевского продолжала развиваться прежде всего на историческом поприще. Приступив к преподавательской деятельности в Петербургском университете, а затем и в Археологическом и Историко-филологическом институтах, он читал лекции и вел семинарии по русской истории, историографии, дипломатике, теории социальных и исторических дисциплин. Во всех своих курсах ученый стремился выйти на новые рубежи источниковедческого анализа и теоретического обобщения, учитывавшие новейшие достижения западноевропейской научной мысли.

После избрания в Императорскую Академию наук [19] Лаппо-Данилевский развернул здесь огромную археографическую работу: подготовил к изданию незавершенные работы академика А.А.Куника, стал позднее ответственным редактором сборников документов “Памятники русского законодательства”, “Россия и Италия”, “Письма и бумаги Петра Великого” и др. Разработанные им “Правила издания грамот Коллегии экономии” до сих пор восхищают специалистов своей логической завершенностью, продуманностью и стройностью.

Другой важнейшей гранью деятельности Лаппо-Данилевского стали его исследования по истории знания. По оценке современного исследователя, в предреволюционный период лишь В.И.Вернадский мог соперничать с ним по глубине познаний в области истории российской науки [20]. Лаппо-Данилевский предложил свою концепцию зарождения и развития русской научной мысли, включавшую на равных правах религиозные и светские принципы знания. Отмечая значительное влияние немецкой, французской, английской философии и науки, он в

то же время учитывает рост национального самосознания русского общества, а также политические условия, задерживавшие и (или) благоприятствовавшие развитию русской науки. Неслучайно в 1913 г. на торжественном Общем собрании Академии наук, посвященном 300-летию Дома Романовых, именно Лаппо-Данилевский выступил с докладом “Петр Великий — основатель Императорской Академии в Санкт-Петербурге”, а в 1916 г. в Англии читал лекции о русской науке [21]. Тогда же историк был удостоен звания почетного доктора права Кембриджского университета.

Еще одна сфера активности Лаппо-Данилевского – научно-организационная. Его неутомимой деятельностью во многом обязано развитие архивного дела в России, подготовка проведения IV Международного исторического съезда в Петербурге, организация многотомного издания “Истории России” на английском языке [22] и сборника очерков “Русская наука” – на русском и французском языках [23]. И наконец, Лаппо-Данилевский многократно представлял русскую науку на международных симпозиумах (в 1903, 1908 и 1913 гг.), на собраниях Международного союза Академий (в 1910, 1913 гг.) и т. д.

“Пролетарскую” революцию 1917 г. Лаппо-Данилевский категорически не принял, но продолжал активно работать. В 1918 г. он участвовал в организации реформы архивного дела, готовил проект закона об охране памятников старины и искусства, выступил с предложением основать институт социологии, оставаясь при этом членом многих научных обществ, комиссий, союзов, организаций. Напряженный труд, голод и лишения подорвали здоровье ученого. В начале 1919 г. ученый перенес серьезную операцию, благодаря которой должно было бы наступить выздоровление. Академик С.Ф.Ольденбург сообщал В.И.Вернадскому в Киев: “Я надеялся до последней минуты, а за три дня до смерти мы все (и врачи) думали, что он уже поправился. Гной попал в спинной мозг и уже все было потеряно”. А.С.Лаппо-Данилевский скончался 7 февраля 1919 г. “Сколько осталось у него начатого и недоделанного, что кроме него никто не сможет доделать, – продолжал в том же письме С.Ф.Ольденбург. – Что возможно, над тем поработают ученики, которые трогательно относились к нему во время болезни, относятся и теперь” [24].

* * *

*

Научное наследие Лаппо-Данилевского приобретает более цельный, законченный вид, если вспомнить, что оно служило для ученого дополнением к “главной книге” – так все коллеги и ученики единодушно называли “Историю политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики”. Это исследование являлось той осью, вокруг которой так или иначе располагались все работы выдающегося исследователя. По точному замечанию А.Е.Преснякова, правильно оценить вклад Лаппо-Данилевского в историческую науку без учета этой книги просто невозможно [25].

Замысел обширной работы, посвященной анализу российского общественного сознания XVIII века, возник у ученого в начале 1890-х годов. В письме М.А.Дьяконову в мае 1891 г. он сообщал: “...кое-что подбираю по XVIII в. Летом особенно займусь будущим курсом в университете (“История сословий в России XVIII в.”), который поставлю в связь с будущей работой по общественным идеалам...” [26] В автобиографии Лаппо-Данилевский более подробно раскрывает содержание увлекавшей его темы: “...стал преимущественно заниматься исследованием русской общественной жизни XVIII века, материальных, а отчасти и духовных фактов ее культуры, и взаимоотношением, какое обнаруживалось между ее проявлениями и правовыми нормами” [27]. По мере работы над монографией ее структура и хронологические рамки существенно расширились: если в 1903 г. ученый писал: “Пришлось залезать и в XVII в., придется заглянуть и в начало XIX в.” [28], то план сочинения, датированный 1906 г., уже содержит намерение довести работу до 1860-х годов [29].

Как и многие другие работы Лаппо-Данилевского, самая крупная его монография осталась незавершенной, что в значительной степени обусловлено масштабом требований, предъявлявшихся историком к себе и своим исследованиям. Требование полной достоверности, фактической обоснованности выводов, стремление максимального приближения к истине – таково кредо Лаппо-Данилевского как ученого. “Александр Сергеевич считал возможным выступать в печати по главным темам своей работы лишь тогда, – писал известный историк И.М.Гревс, – когда собственное сознание говорило: да! дело закончено, истина найдена и получило должное (т. е. совершенное, полное) воплощение. Но сознание почти никогда этого ему не говорило, и труды оставались в папках, в рукописных листах, испещренных вставками и исправлениями” [30]. Постоянное недовольство сделанным и как следствие – расширение, уточнение, дополнение написанного, не

позволили Лаппо-Данилевскому полностью завершить “Историю политических идей в России” и остановили уже было намечавшееся издание книги. Ее первая часть была в основном закончена к 1900 г.; тем не менее интенсивная переработка текста продолжалась вплоть до 1911 г., когда историк предполагал печатать первый том, “вводный; он обнимает только XVII век (до эпохи преобразований)” [31]. Однако и это намерение осуществить не удалось. “Введение” к тому датировано 1910–1912 гг. По мнению Г.В.Вернадского, “История политических идей в России” не была напечатана только из-за чрезмерной “ученой щепетильности и мнительности А.С.”, который “никому или почти никому не читал хотя бы отрывков этого труда; немногим он и говорил об этом своем исследовании; о нем передавались только слухи” [32]. Между тем на своих широко известных в ученом мире “пятницах” ученый излагал отдельные положения монографии, а на ее концептуальной основе построил доклад на Международном историческом конгрессе в Лондоне в 1913 г. [33]

В 1918 г. Лаппо-Данилевский возвращается к идее опубликовать подготовленный текст. Он обращается к своему бывшему ученику, приват-доценту Московского университета М.А.Штромбергу [34], затем при самом активном содействии другого ученика, известного экономиста Н.Д.Кондратьева, Лаппо-Данилевскому удается договориться с С.П.Мельгуновым и издательством “Задруга” о том, чтобы с января 1919 г. начать печатать “Историю политических идей в России”. [35] Преждевременная кончина историка прервала эту работу.

Весной 1919 г., после того, как Академия наук приняла решение о приобретении в собственность библиотеки и архива академика [36], его ближайшие ученики А.И.Андреев, В.И.Веретенников и Н.В.Болдырев приложили много усилий для того, чтобы научное и эпистолярное наследие их учителя было разобрано, систематизировано и научно описано. В августе 1919 г. они обратились в Академию наук с заявлением по поводу рукописей Лаппо-Данилевского, в результате чего была образована комиссия по подготовке к печати неопубликованных работ ученого [37]. Подготовительную работу взял на себя А.И.Андреев. 7 февраля 1920 г., в день годовщины смерти учителя, на заседании исторического кружка им. А.С.Лаппо-Данилевского он выступил с докладом “О рукописях А.С.Лаппо-Данилевского”, посвященным первым результатам разбора архива академика [38]. Центральное место в докладе А.И.Андреев отвел “Истории политических идей в России” как главному труду Лаппо-Данилевского по русской истории,

необходимость быстрой публикации которого не вызвала у А.И.Андреева никаких сомнений.

В начале 1920-х годов Постоянная историческая комиссия Академии наук по решению Общего собрания РАН дважды предпринимала попытки издать “Историю политических идей в России”; академическая типография даже успела набрать около трех печатных листов монографии, но в 1923 г. вследствие сокращения издательского плана РАН работа была приостановлена на неопределенное время [39]. Тогда же родные ученого – вдова Елена Дмитриевна и старший сын Иван Александрович [40], будущий член-корреспондент АН СССР, пытались опубликовать труд в частном издательстве, но и это предприятие успеха не имело [41]. Однако усилия друзей и учеников Лаппо-Данилевского издать его главную историческую работу продолжались. В конце 1920-х годов новые попытки предпринимались параллельно в России и США, они были связаны с именами А.И.Андреева, В.И. и Г.В.Вернадских и Ф.Голдера (F.Golder).

В 1926 г. после возвращения в СССР из заграничной командировки академика В.И.Вернадского заметно активизировалась работа возглавляемой им академической Комиссии по истории знаний (КИЗ). В течение многих десятилетий Вернадский был связан с Лаппо-Данилевским дружескими и идейными узами. Еще в молодости ученые многократно совместно обсуждали различные научные проблемы междисциплинарного характера [42]. Скупой на превосходные степени Вернадский так откликнулся в дневнике на известие о кончине своего коллеги: “...исключительная, совершенно выдающаяся образованность и глубина исканий делают эту фигуру такой, которую не забудут... Крупное порождение русской культуры, ее исключительного богатства, красоты и мощи. А.С. – ученый и мудрец...” [43]. Именно возглавлявшаяся Вернадским КИЗ в сотрудничестве с Археографической комиссией РАН, ученым секретарем которой был А.И.Андреев, провели 28 февраля 1929 г. совместное заседание, посвященное памяти академика Лаппо-Данилевского в связи с 10-летием со дня его кончины. Выпуск шестого тома “Очерков по истории знаний”, приуроченный к этому последнему в советское время заседанию памяти Лаппо-Данилевского, был выпущен под грифом КИЗ и до сих пор остается важнейшей публикацией, посвященной ученому. Она включает библиографию печатных трудов историка и литературы о нем, а также краткую опись его рукописей, хранившихся в Библиотеке АН СССР. Из переписки Вернадского с сыном также ясно, что академик надеялся опубликовать книгу своего

друга в СССР: “Я, впрочем, не отчаиваюсь издать его здесь. Несомненно, почти законченная работа Лаппо-Дан[илевского] не должна лежать под спудом – сейчас уже больше 10 лет! Все-таки выдающихся работников сейчас мало” [44].

Параллельно сын В.И.Вернадского – Георгий, до революции входивший в круг ближайших учеников Лаппо-Данилевского, а с 1927 г. преподававший в Йельского университете (США), обсуждал возможности издания “Истории политических идей в России” на английском языке с американским историком Фрэнком Голдером, который еще в 1914 г. близко познакомился с Лаппо-Данилевским и был покорен его научной эрудицией [45]. Часто бывавший в России по линии «American Relief Administration», Голдер навещал семью академика после революции и помогал ей материально [46], стремился содействовать публикации наследия историка.

В 1928 г. Г.В.Вернадский по договоренности с Ф.Голдером запросил отца о состоянии рукописи Лаппо-Данилевского. Вернадский-старший ответил, что историк “хотел издать оба тома, но конец второго тома является неотделанным. Но и здесь работы немного относительно. Я тоже, как ты, гораздо выше ставлю его исторические труды, чем философские. И, мне кажется, долг всех нас, друзей и его учеников, сделать все, чтобы труд его появился в свет. Если он появится на английском языке – это будет, может быть, даже не хуже, чем русское издание. Для семьи его затруднением является необходимость переписать рукопись – на это нет средств и собрать их здесь сейчас представляет очень большие затруднения. [...] Т. о., если издатель дает средства на переписку – подготовку к печати рукописи – дело будет сделано. При разности труда здесь и в Америке это не представит, может быть, затруднений. Можно, конечно, идти и официально – обратиться к Академию Наук – но для этого само американское издательство или американское учреждение должно непосредственно от себя (или через члена Академии, например, меня) обратиться в АН. Я думаю и тогда станет вопрос о переписке – но реально – легче. А главное тогда, мне кажется, станет вопрос и о русском издании, что было бы очень важно. Я очень рад, что ты взялся за это дело. Мне говорил Алекс. Игнат. [Андреев], что работы с рукописью будет немного. Если официальное обращение в АН возможно – то это было бы хорошо; если же идти частным путем, обращаясь к семье, [то] надо прислать деньги на переписку” [47].

Интенсивное обсуждение американского проекта продолжалось недолго – 7 января 1929 г. Ф.Голдер скончался. Вскоре Вернадский писал сыну: “Очень жалко

Golder'a – это был верный друг. И сейчас как раз, когда шли разговоры об издании книги Ал. Серг. Я все же этой мысли не бросаю. В Комиссии по истории знаний мы издаем небольшую книжку, ему посвященную, и будет заседание. Прошло 10 лет и труд его жизни не издан. В сущности, надо найти 200–300 руб., а м. б., и меньше, чтобы его переписать. Буду стараться” [48].

Преемник Голдера, профессор истории Гарольд Фишер (Harold H. Fisher) пытался продолжить поиски возможностей издания книги Лаппо-Данилевского, но попал в СССР в разгар “академического дела” в декабре 1929 г.; ему, по понятным причинам, уже не удалось побывать в Ленинграде и тем более встретиться с арестованным А.И. Андреевым [49]. И хотя в декабре 1933 г. академик Вернадский вновь советовал сыну вернуться к идее издания книги [50], реальные попытки опубликовать “Историю политических идей в России” закончились.

Такова печальная судьба “труда жизни” Лаппо-Данилевского, в известной степени характерная для многих начинаний русской науки, о которой академик С.Ф. Ольденбург с горечью говорил: “...широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полузаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний” [51]. Вдова академика Лаппо-Данилевского Елена Дмитриевна вплоть до 1940-х годов продолжала сдавать сначала в Библиотеку АН СССР, а затем в Архив АН СССР материалы ученого. В день памяти мужа (7 февраля) она предпочитала ходить не на кладбище, а в Архив: “...Здесь теплится в душе маленькая надежда, что, может быть, это не смерть, а только временный плен его мысли” [52].

Публикуя первый том монографии Лаппо-Данилевского, Архив Российской академии наук исполняет волю нескольких поколений русских ученых. “Первый признак таланта, – писал в одном из писем Лаппо-Данилевский, – как [ни] парадоксальны, невероятны были бы мысли, высказанные автором, это именно то, что по их поводу работает мысль читателя, волей-неволей пробуждается ум, возникает целый ряд вопросов” [53]. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский как раз и принадлежит к той когорте исследователей, чья мысль и через много лет продолжает волновать и “пробуждать ум” будущих поколений.

Примечания

1. См.: Есаков В.Д. “Русская наука”, 1917 год (Нереализованный проект) // Крайности истории и крайности историков. Сб. статей. – М., 1997. – С. 95–120.
2. Греков Б.Д. Ученая и учебная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1919. – № 56. – С. 153. Среди учеников историка – Н.Д.Кондратьев, Т.И.Райнов, Г.В.Вернадский, А.И.Андреев, С.Н.Валк и др.
3. Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960–1984 гг.). Аналитический обзор / Сост. И.А.Беленький. – М., 1985. – С. 18.
4. Покровский М.Н. О книге академика Лаппо-Данилевского // Под знаменем марксизма. – 1923. – № 4/5. – С. 190–196.
5. Черепнин Л.В. А.С.Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. – 1949. – № 8. – С. 33.
6. Там же. – С. 31–32.
7. Советская историческая энциклопедия. Т. 8. – М., 1965. – С. 422 (статья В.И.Буганова).
8. История СССР. – 1980. – № 1. – С. 331.
9. Шмидт С.О. А.С.Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // АЕ за 1994 год. – М., 1996. – С. 229.
10. Там же. – С. 229–280.
11. В 2001 году вышла первая монография, посвященная историку: Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. – СПб., 2001. Здесь же приведена библиография основных работ о Лаппо-Данилевском (С. 252–261).
12. Было бы ошибкой считать, что все в юности Лаппо-Данилевского было спокойно и благополучно. Так, например, его отец не был практичным хозяином и после его смерти в распоряжении сына оказались очень скромные средства (см.: ЦИАМ. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 13. (Фокин А.М. Заметки и материалы к изучению быта старого времени). Л. 17 об.).
13. АРАН. Ф. 639 (М.А.Дьяконов). Оп. 1. Д. 698–779. Л. 12–13.
14. ОР РНБ. Ф. 419 (А.С. и И.А.Лаппо-Данилевские). Оп. 1. Д. 1. Л. 78.
15. АРАН. Ф. 518 (В.И.Вернадский). Оп. 3. Д. 923. Л. 19 об.
16. ГАРФ. Ф. 579 (П.Н.Милюков). Оп. 1. Д. 5388. Л. 15 об.–16.

-
17. АРАН. Ф. 639 (М.А.Дьяконов). Оп. 1. Д. 698–779. Л. 10–11.
 18. Там же. Л. 28 об.–29.
 19. В 1889 году Лаппо-Данилевский стал адъюнктом; в 1902-м – экстраординарным академиком; в 1905-м – ординарным академиком.
 20. Есаков В.Д. Указ. соч. – С. 98.
 21. См. статью Лаппо-Данилевского “Развитие науки и учености в России”, опубликованную на англ. языке (Lappo-Danilevski A.S. The Development of Sciences and Learning in Russia // Russian Realities and Problems / Ed. by J.D.Duff. Cambridge, 1917. P. 153–229).
 22. Тараторкин Ф.Г. Указ. соч. – С. 270–273.
 23. Есаков В.Д. Указ. соч. – С. 95–120.
 24. АРАН. Ф. 518 (В.И.Вернадский). Оп. 3. Д. 1197. Л. 3. Информация о кончине Лаппо-Данилевского появилась и в зарубежной печати. Так, еженедельник “The Russian Outlook”, выходивший в Лондоне, в № 3 за 24 мая 1919 года сообщил о смерти историка от голода (Казнина О. Русские в Англии. – М., 1997. – С. 45).
 25. Пресняков А.Е. Труды А.С.Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 97–98.
 26. АРАН. Ф. 639 (М.А.Дьяконов). Оп. 1. Д. 698–779. Л. 35.
 27. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. – Пг., 1915. – С. 406.
 28. АРАН. Ф. 639 (М.А.Дьяконов). Оп. 1. Д. 698–779. Л. 100 об.
 29. СПбФ АРАН. Ф. 113 (А.С.Лаппо-Данилевский). Оп. 1. Д. 68. Л. 1–3.
 30. Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: Опыт истолкования души // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 68.
 31. СПбФ АРАН. Ф. 45 (И.И.Янжул). Оп. 2. Д. 556. Л. 30.
 32. Вернадский Г.В. А.С.Лаппо-Данилевский как историк России XVIII в. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1919. – № 56. – С. 159.
 33. Русский текст доклада с незначительными изменениями см.: Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени смуты и до эпохи преобразований // Голос минувшего. – 1914. – № 12. – С. 5–38 (републиковано: Источник. – 1994. – № 1).
 34. СПбФ АРАН. Ф. 113 (А.С.Лаппо-Данилевский). Оп. 3. Д. 415. Л. 1.
 35. Там же. Д. 194. Л. 5–8.

-
36. Протоколы ОС РАН. 1919. Пп. 98, 115; Протоколы ОИФ РАН. 1919. П. 34.
37. Протоколы ОИФ РАН. 1919. П. 147; СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2–1919. Д. 39. Л. 22–23.
38. СПбФ АРАН. Ф. 934 (А.И.Андреев). Оп. 1. Д. 346. Л. 1–27.
39. Там же. Ф. 1. Оп. 2–1923. Д. 41. Л. 42–42 об.
40. Вдова А.С.Лаппо-Данилевского – Елена Дмитриевна (ур. Бекарюкова; 1868—1942?) приходилась двоюродной сестрой историку И.М.Гревсу; одна из ее родных сестер – Наталья Дмитриевна, врач и писатель (псевд. Т.Барвенкова), была замужем за философом А.В.Гизетти; другая, Мария Дмитриевна – за Ф.Ф.Ольденбургом, известным тверским педагогом, братом академика С.Ф.Ольденбурга. Старший сын А.С.Лаппо-Данилевского – Иван Александрович (1895–1931) – математик, член-корреспондент АН СССР (1931); скончался в Гисене (Германия), куда приехал как рокфеллеровский стипендиат и где осталась жить его семья. Младший сын – Александр Александрович (1898–1920) – художник, ученик К.С.Петрова-Водкина.
41. Протоколы ОИФ РАН. 1923. Пп. 132, 174.
42. См., например об этом: АРАН. Ф. 518 (В.И.Вернадский). Оп. 2. Д. 5. Л. 69 об. и др.; Переписка В.И.Вернадского с Б.Л.Личковым, 1918–1939. – М.: Наука, 1979. С. 177; а также: Корзун В.П. Невостребованное наследие (Материалы по истории науки в архиве А.С.Лаппо-Данилевского) // АЕ за 1994 год. – М., 1996. – С. 255–263.
43. Вернадский В.И. Дневники. 1917–1921. Т. 1: 1917–1919 / Сост. М.Ю.Сорокина, В.С.Неаполитанская, А.В.Мемелов, С.Н.Киржаев. – Киев, 1994. – С. 129.
44. Там же.
45. War, Revolution, and Peace in Russia. The Passages of Frank Golder, 1914–1927. Comp., ed., and introd. by T. Emmons and V.M.Patenaude. Stanford Ca, 1992. P. 13.
46. См., например, в письме Р.Лутцу конца декабря 1922 года описание бедственного положения семьи Лаппо-Данилевских: Ibid. P. 124–125.
47. VAR. G.Vernadsky Collection. Box 12.
48. Ibid.
49. Ibid.

50. Ibid.

51. Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму, 1818–1918 // Известия РАН. Сер. VI. – 1918. – № 7. – С. 6.

52. СПбФ АРАН. Ф. 934 (А.И.Андреев). Оп. 5. Д. 222. Л. 2 об.

53. Там же. Ф. 113 (А.С.Лаппо-Данилевский). Оп. 2. Д. 10. Л. 11.